

В длинной ночной рубашке Анна Григорьевна Пескарева стучала в дверь соседке по лестничной площадке.

— Зина, это я, Анна. Открой.

Дверь открылась, насколько позволяла цепочка. На вопросительный взгляд соседки, показавшейся в узком дверном проеме, Анна Григорьевна сказала, — у меня беда!

— Какая еще беда?

— Хотела принять лекарство перед сном, таблетку выронила. Весь пол облазила, найти не могу.

— Возьми другую.

— Не шути. Она дорогая. Две тысячи за упаковку.

Дверь открылась. Зина, давнишняя соседка Анны Григорьевны; лет тридцать назад они одновременно вселились в этот новый тогда дом, накинула на плечи теплый халат и вышла на лестничную площадку.

— Как дверь-то у тебя не захлопнулась, — ворчливо сказала Зина. — А то у меня пришлось бы ночевать.

Они вошли в квартиру Анны Григорьевны. Небольшая, уютная «двушка» с маленькой кухней и совмещенным санузлом. Зина часто бывала в квартире соседки-подруги. Во всю стену книжные полки, заставленные книгами, журналами. Много картин. Портреты Анны Григорьевны, ее дочери, внучек. Дорогая старинная мебель. Зина и Анна Григорьевна часто ходили друг к другу в гости, «на посиделки». Обе были вдовы. У Зины жил внук, парень двадцати лет. Нигде не работал. Все день сидел за компьютером. У Анны Григорьевны компаньонкой была кошка по кличке Тара. Почему такое странное имя? Полное было Тарзанка, так ее покойный муж назвал кошку — любила она, когда была молодая, лазить по мебели, занавескам. Теперь кошка была старая, уже не лазила по шкафам, чаще целыми днями лежала на диване и вставала только поесть. Оттого и имя стало короче — Тара.

— Где уронила? — спросила деловито Зина.

— Где уронила, уже не помню. Собралась спать, положила на стол. Пошла на кухню за водой запить лекарство. Прихожу, найти не могу. Под столом смотрела — нет. Вернулась на кухню — может, там забыла, тоже нет.

Обе пожилые женщины встали на четвереньки и стали шарить руками по полу. В комнате, потом на кухне, искали даже в туалете. Решили посмотреть под диваном, может туда закатилась таблетка. Что-то белело под диваном у самой стенки, рукой не достать. Фонарика в доме нет.

Взяли швабру и стали двигать ею под диваном в разные стороны.

За этим занятием застал их Зинин внук, обеспокоенный долгим отсутствием своей бабы Зины.

— Чтой-то вы делаете? — спросил он.

— Таблетка, лекарство под диван закатилось. Достаем, — ответила Зина.

— Дайте я попробую.

Зинин внук взял швабру, лег на живот и также стал двигать ею под диваном. Минуты через две что-то беленькое выскочило из-под дивана и покатилося по полу. В тот же момент Тара прыгнула с дивана и стала играть таблеткой, а это была именно она, как играет кошка с мышкой.

— Уф-ф, — выдохнули обе пожилые женщины сидя, не вставая с пола. Они очень устали. Это был и вздох облегчения. Дело сделано. Таблетка, в самом деле, есть. Это не плод фантазии Анны Григорьевны. Рассеялись и сомнения Зины. Она думала, что ее подруге все почудилось.

Но таблетка вновь оказалась под диваном, куда ее загнала Тара. Проблема оставалась. Как достать? Диван был тяжелый, старинный, обитый кожей, застлан ковром. Им обеим, даже с внуком, вместе взятым, сдвинуть его с места было не по силам.

На глаза Анны Григорьевны навернулись слезы. Жаль было таблетку. Дорогая. Такими вещами сейчас не разбрасываются. Пенсия маленькая. Продавать дорогие ей вещи было жалко. Старинный диван купили давно, когда муж стал начальником лаборатории. Портреты ее и внучек писал знакомый художник. Книги на полках, занимавших всю стену, собирали с мужем всю их совместную жизнь. Здесь были теперь редкие издания, дарения знакомых писателей. Здесь была вся ее жизнь.

— Почему у вас дверь нараспашку? — сказал старинный друг и сосед Володя. Был он одногодок со свои-

ми соседками-подругами, Зиной и Анной Григорьевной. Зинин внук, когда зашел за своей бабушкой, забыл дверь за собой закрыть.

Володя — своеобразный был человек. У себя в квартире все мастерил сам. Любимым занятием его было готовить спиртные напитки. Рецепты никому не раскрывал, но угощал соседок с удовольствием и безвозмездно. Называл «коньяками». По цвету были коричневыми и крепкими. Приносил своим соседкам в маленьких, как наперсток, металлических рюмочках. «Пейте,— говорил,— помогает и от сердца, и от головы».

Ему рассказали, в чем дело.

— Так,— деловито сказал он.— Бери-ка, парень, с того края, а я с этого возьму.

Вместе с Зининым внуком они приподняли диван и отодвинули его от стены.

Анна Григорьевна первая заглянула в открывшееся пространство между диваном и стеной.

— Вот она!

Она перегнулась через спинку дивана и бережно двумя пальцами взяла таблетку.

— Держи крепче, не урони,— говорила Зина, помогая Анне Григорьевне выпрямиться и слезть с дивана.

В руке Анна Григорьевна держала беленький кружочек и улыбалась. «Наконец!» тихо сказала она, и обвела всех радостным взглядом.

— Это лекарство очень дорогое. Каждая таблетка как золотая монетка. И достать трудно. Только по рецептам.

Володя вместе с внуком Зины поставили диван на место.

— Сейчас приду,— сказал Володя и быстро вышел из квартиры Анны Григорьевны.

Анна Григорьевна бережно положила таблетку на блюдечко и осторожно поставила его в сервант.

— Ну, я пошел,— сказал внук.— Кажется, я дверь в квартиру забыл закрыть.

— Радость-то какая!— воскликнула Зина. Обе соседки уселись на диван.— Не теряй больше,— сказала она Анне Григорьевне.— Тем более такую дорожную.

Пришел Володя. В руках у него был бутылка с коричневой жидкостью и три металлические рюмочки-наперстки.

— Ну что, подруги, это дело надо отметить. Не каждый день теряется что-то дорогое. И, главное, находится. Этот коньяк я на пленочках от грецких орехов настаивал, успокаивающе действует.

Он налил в рюмочки «коньяк», себе и своим соседкам.

Анна Григорьевна достала из серванта вазу с конфетами и поставила на стол.

— Все хорошо, что хорошо кончается. — Под этот Володин тост выпили.

Было уже поздно. Но они этого не замечали. Не расходились. Все трое были довольны. Довольны тем, что получилось сделать хорошее, доброе дело. Они вспоминали другие случаи с ними за многие годы их жизни в одном доме, на одной лестничной площадке. И что они всегда приходили друг другу на помощь. И было от этого им хорошо. Они выпили по рюмочке-наперстку не один раз.

— Пора по домам,— сказал, поднимаясь, Володя.

Анна Григорьевна Пескарева проводила гостей. Закрыла за ними дверь. Подошла к серванту, взяла осторожно с блюдечка таблетку. Пошла на кухню, набрала воды из крана и приняла лекарство. Легла на диван и уснула.

